

ПЕРМСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по
средамъ. Цѣна за годъ 5
руб., за 8 мѣсяцевъ 1867 го-
да 3 руб. 35 коп.

№ 13.

Подписка принимается въ
Редакціи Епархіальныхъ Вѣ-
домостей, при Пермской ду-
ховной семинаріи, въ Перми.

27 Марта 1868 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Указъ святѣйшаго Синода. Переѣмы по службѣ лицъ епархі-
альнаго вѣдомства. Награжденіе стихаремъ. Праздныя мѣста. Умершіе. Служеніе
Его Высокопреосвященства.

1. Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода

*Отъ 5 февраля 1868 года. О новыхъ штатахъ архіерейскихъ до-
мовъ и каедральныхъ соборовъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Си-
нодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 5
минувшаго января за № 200, о введеніи въ дѣйствіе, Высочайше утвержден-
ныхъ 27 декабря 1867 года, новыхъ штатовъ архіерейскихъ домовъ и ка-
едральныхъ соборовъ. И по справкѣ, Приказали: 1) Высочайше утвер-
жденный въ 27 день декабря 1867 года, штатъ архіерейскихъ домовъ и ка-
едральныхъ соборовъ, съ слѣдующимъ къ нему росписаніемъ о содержаніи
причтовъ соборовъ и расходахъ на церковную прислугу, препроводить при
указахъ къ Преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, для свѣдѣнія и ру-
ководства. При чемъ объявить, что Высочайше утвержденнымъ 27 декабря
шлѣніемъ Государственнаго Совѣта, между прочимъ, постановлено: а) существую-
щее раздѣленіе епархій на классы отмѣнить; б) срокомъ введенія въ дѣйствіе
новаго штата назначить 1 января 1868 года; в) установить съ 1868 года,
съ содержанія причтовъ каедральныхъ соборовъ, получающихъ опредѣленные

по утвержденному штату оклады, 2% в пользу Государственного Казначейства вычитать на пенсїи и увеличить, на соответствующую сему вычету сумму, кредитъ по духовному вѣдомству на производство пенсїи и пособїи священноцерковнослужителямъ епархіальнаго вѣдомства и ихъ семействамъ, и г) обратитъ на содержаніе архіерейскихъ домовъ и кафедральныхъ соборовъ 10456 руб. 62 коп., отпускаемыхъ изъ Государственного Казначейства на милостинное подаваніе монастырямъ, и 5200 руб. на содержаніе благочинныхъ надъ монастырями въ западныхъ епархіяхъ. 2) Вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ вѣстность Епархіальныхъ Преосвященныхъ, что вслѣдствіе Высочайше утвержденного въ 27 декабря мѣсяца Государственного Совѣта, получаемое архіерейскими домами и монастырями вознагражденіе за служителей, съ настоящаго года, будетъ производиться на новыхъ основанїяхъ, о коихъ объявлено будетъ особо по Хозяйственному при Святѣйшемъ Синодѣ Управленію, и что суммы, отпускавшіяся изъ Государственного Казначейства на милостинное подаваніе монастырямъ и на содержаніе благочинныхъ въ западныхъ епархіяхъ, не будутъ болѣе производиться на сіи предметы, за отнесеніемъ ихъ, въ числѣ другихъ источниковъ, на покрытіе расходовъ по настоящимъ штатамъ; если же за симъ для нѣкоторыхъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, а также и благочинныхъ въ западныхъ епархіяхъ встрѣтится необходимая надобность въ пособїяхъ, таковыя производиться будутъ, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, изъ собственныхъ его средствъ. 3) Такъ какъ по новымъ штатамъ кафедральныхъ соборовъ, причтъ каждаго собора составляютъ: протоіерей, ключарь, два священника, протодіаконъ, два діакона, два иподіакона и два псаломщика, въ нѣкоторыхъ же епархіяхъ наличный причтъ соборовъ превышаетъ этотъ составъ и въ слѣдствіе сего, въ епархіяхъ тѣхъ, съ введеніемъ настоящихъ штатовъ, нѣкоторые изъ соборныхъ служителей окажутся лишними, то поручить Преосвященнымъ озаботиться предоставленіемъ таковымъ священнослужителямъ соответственныхъ въ епархіяхъ мѣстъ. 4) За возвышеніемъ по новымъ штатамъ содержанія причтовъ кафедральныхъ соборовъ во всѣхъ епархіяхъ, возбужденные до настоящаго времени въ Святѣйшемъ Синодѣ, ходатайствами Преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ, дѣла объ усиленїи средствъ содержанія этихъ причтовъ зачесть оконченными.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО

Въ С. Петербургѣ.
27 декабря 1867 года.

Ш Т

Архіерейскихъ домовъ и

Название епархій.	Число епархій.	Жалованье архіерею.		На жалованье свѣты архіерея, на содержаніе пѣвчихъ и на наемъ служит.	
		Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.
		Р у б			
С. Петербургская.	1	4000	4000	4350	4350
Кіевская и Литовская	2	4000	8000	5000	10000
Волынская, Могилевская, Московская, Минская, Подольская, Полоцкая и Рижская	7	4000	28000	4350	30450
Таврическая	1	4000	4000	4350	4350
Кавказская	1	4000	4000	3975	3975
Оренбургская	1	2750	2750	3100	3100
Новгородская	1	1500	1500	3100	3100
Архангельская, Астраханская, Владимірская, Вологодская, Вятская, Воронежская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Костромская, Кишиневская, Курская, Нижегородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьбовская, Херсонская, Черниговская и Ярославская.	32	1500	48000	3100	99200
Донская	1	1500	1500	4860	4860
Камчатская	1	1500	1500	3960	3960
Енисейская, Иркутская, Тобольская и Томская	4	1500	6000	3700	14800
В с е г о	52	„	109250	„	182145

Примѣчанія: 1) Свиту Преосвященнаго составляютъ: экономъ, духовникъ, нія Преосвященнаго зависитъ соединеніе нѣкоторыхъ должностей, равно и назначенія.
2) Содержаніе причтовъ кафедральныхъ соборовъ и расходы на церковную приему содержанію и упомянутымъ расходамъ составляетъ особое при настоящемъ

Предѣдатель Государственнаго Совѣта

ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „Быть по сему.“

А Т Ъ Каедральныхъ соборовъ.

На ремонтъ архіерейскихъ домовъ.		Содержаніе причта каедральныхъ соборовъ и церковной прислуги.		На ремонтъ собора, на ризницу и на церковныя потребности.		На наемъ помѣщенія для епархіальн. помѣщений.		Итого.
Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одн.	Всѣмъ	Всѣмъ.
175	175	”	”	”	”	”	”	8525
175	350	5000	10000	400	800	”	”	29150
175	1225	4000	28000	400	2800	”	”	90475
100	100	2850	2850	350	350	2000	2000	13650
100	100	2850	2850	350	350	”	”	11275
100	100	2850	2850	350	350	”	”	9150
100	100	4000	4000	350	350	”	”	9050
100	3200	2850	91200	350	11200	”	”	252800
100	100	2850	2850	350	350	”	”	9660
175	175	4985	4985	600	600	”	”	11220
100	400	2850	11400	350	1400	”	”	34000
”	6025	”	160985	”	18550	”	2000	478955

крестовые іеромонахи, ризничій, онъ же и казначей, и іеродіаконъ; отъ усмотрѣніе имъ окладовъ содержанія.

служу значатся въ штатѣ семь въ общихъ итогахъ; подробное же росписаніе сештатѣ приложеніе.

(подписаль:) «**КОНСТАНТИНЪ**».

РОСПИ
о содержаніи причтовъ кафедральныхъ соборъ

Названіе епархій.	Число соборовъ.	Протоіереямъ.		Ключарямъ.		Священникамъ.	
		одн.	всѣмъ.	одн.	всѣмъ.	одн.	всѣмъ.
		Р					
Кіевская и Литовская	2	700	1400	550	1100	450	1800
Камчатская	1	650	650	550	550	450	900
На разъѣзды	—		120			120	240
Волынская, Могилевская, Московская, Минская, Новгородская, Подольская, Полоцкая и Рижская.	8	600	4800	450	3600	350	5600
Архангельская, Астраханская, Владимірская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Донская, Екатеринославская, Енисейская, Иркутская, Кавказская, Казанская, Калужская, Кишиневская, Костромская, Курская, Нижегородская, Олонецкая, Орловская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тобольская, Томская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская и Ярославская	40	400	16000	300	12000	250	20000
	51	„	22850	„	17250	„	28540
			120				

Примѣчанія: 1) Причтъ каждаго собора составляютъ: протоіерей, ключарь, число пономарей и дерковной прислуги и назначеніе цмъ содержанія зависитъ отъ 2) По Камчатской епархіи назначается 120 руб. на разъѣзды протоіерею или

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта

С А Н І Е
ровъ и расходахъ на церковную прислугу.

Протодіа- конамъ.		Діаконамъ.		Иподіако- намъ.		Псаломщи- камъ.		На остальной причтъ и церко- вную прислугу.		Итого всѣмъ.
одн.	всѣмъ.	одн.	всѣмъ.	одн.	всѣмъ.	одн.	всѣмъ.	одн.	всѣмъ.	
л и с е р е б р о м ъ.										
450	900	350	1400	300	1200	200	800	700	1400	10000
450	450	340	680	260	520	175	350	525	525	4985
350	2800	250	4000	240	3840	200	3200	520	4160	32000
250	10000	180	14400	180	14400	140	11200	400	16000	114000
„	14150	„	20480	„	19960	„	15550	„	22085	160985

два священника, протодіаконъ, два діакона, два иподіакона и два псаломщика;
усмотрѣнія Преосвященнаго.
ключарю.

(подпись:) «**КОНСТАНТИНЪ.**»

II. *Перемѣны по службѣ лицъ епархіальнаго вѣдомства.*

Опредѣленъ исключенный ученикъ изъ высшаго отдѣленія Соликамскаго училища *Владимиръ Пономовъ* къ исправленію пономарской должности къ градо-Соликамской Преображенской церкви.

Назначено производство: діакону Троицкаго села камышловскаго уѣзда *Іоанну Ляпустину* во священника въ Волковское село къ Покровской церкви того же уѣзда; діакону Шайтанской единовѣрческой церкви красноуфимскаго уѣзда *Василію Пономареву* во священника къ Артинской единовѣрческой церкви того же уѣзда.

III. *Посвященъ въ стихарь* исправляющій д. пономаря соликамскаго уѣзда Ювинскаго села *Димитрій Курановъ*.

IV. *П р а з д н ы я м ѣ с т а:*

Священническія: верхотурскаго уѣзда въ Коптѣловскомъ селѣ; прбитскаго уѣзда въ Харловскомъ селѣ

Діаконскія: въ Березовскомъ заводѣ екатеринбургскаго уѣзда при пророко-Ильинской церкви; въ Нижнетагильскомъ заводѣ верхотурскаго уѣзда при Введенской церкви; въ Нижнесергинскомъ заводѣ при Троицкой церкви красноуфимскаго уѣзда; въ Троицкомъ селѣ камышловскаго уѣзда при Троицкой церкви; въ Шайтанскомъ заводѣ красноуфимскаго уѣзда при единовѣрческой церкви.

V. *Умершіе:* *Священники:* 1) прбитскаго уѣзда Харловскаго села *Сильвестръ Удинцевъ*; 2) камышловскаго уѣзда Волковскаго села Покровской церкви *Константинъ Дячлевъ*; 3) верхотурскаго уѣзда Коптѣловскаго села *Василій Кузнецовъ*; 4) Артинской единовѣрческой церкви красноуфимскаго уѣзда *Николай Ивановичій*.

— *Діаконы:* Березовскаго завода екатеринбургскаго уѣзда *Іосифъ Адриановскій*; 2) Нижнетагильскаго завода верхотурскаго уѣзда *Іванъ Стефановъ*; 3) Нижнесергинскаго завода красноуфимскаго уѣзда Троицкой церкви *Петръ Григорьевъ*.

VI. *О служеніи Его Высокопреосвященства.*

17 сего марта въ пятую недѣлю св. Четырнадцатницы Божественную литургію Его Высокопреосвященство совершалъ въ крестовой св. Митрофана церкви въ сослуженіи крестовой братіи и кафедральнаго протоіерея Андрея Пурикордова. Проповѣдь говорилъ Петропавловскаго собора священникъ Василій Удинцевъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Позоръ Спасителя. Разныя извѣстія.

Позоръ Спасителя (*).

*Воззрѣмъ на Иисуса, который вмѣсто
предлежавшей Ему радости претерпѣлъ
крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ
одесную престола Божія (Евр. 12, 2.).*

Откуда взять мнѣ словъ, о мой Спаситель, чтобы изобразить Твою ни съ чѣмъ несравнимую любовь къ сынамъ человѣческимъ? Для всякаго другаго предмета найдется достаточно словъ, но этотъ предметъ выше всякаго искусства краснорѣчія, и никакое человѣческое слово не можетъ его вмѣстить. Онъ принадлежитъ къ тому, что невыразимо словомъ, что превыспрениже всякихъ мыслей. Я очень хорошо знаю, что все, что буду говорить нынѣ о страданіяхъ Спасителя, только будетъ какъ капля, остающаяся въ сосудѣ. Никто не знаетъ и половины мученія, которое Онъ терпѣлъ; еще ни одинъ человѣкъ не постигъ любви Христа, которая превышаетъ всякое познаніе. Естественныя системы углубляются въ землю до самаго ея средоточія; онъ изслѣдуетъ солнечныя системы, измѣряетъ небо, вѣситъ горы, и даже самую землю; но этотъ предметъ принадлежитъ къ области того великаго и безграничнаго, которое измѣрить никто не можетъ, какъ только Самъ Безконечный. Какъ ласточка только легонько касается своимъ крылышкомъ потока, а не погружается въ его глубину: такъ и голосъ проповѣдника движется только по поверхности этого предмета; неизмѣримая же глубина его остается по-

(*). Предлагаемая статья есть проповѣдь современнаго намъ знаменитаго англійскаго проповѣдника Чарльза Спуржона. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ имя его гремѣло славой во всемъ христіанскомъ мірѣ; но такъ какъ всякая слава человѣческая не долговѣчна, то нынѣ имя это уже почти забыто; по крайней мѣрѣ у насъ оно мало извѣстно. Впрочемъ наша духовная журналистика въ свое время не оставила безъ вниманія явленіе этого замѣчательнаго проповѣдника. Въ Православномъ Обозрѣніи 1861 года (Томъ 4, стр. 105—130) есть статья, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о замѣчательной личности Спуржона; тамъ же, для образца, помѣщена въ переводѣ

стоянно сокрытою отъ его взора. Прекрасно воспѣлъ поэтъ: „О вѣчная *бездна* блаженной любви!“ Да, любовь Христа есть *бездна*. Никто не можетъ ее исчерпать. И мы никогда не чувствуемъ нашей слабости такъ ощутительно, какъ когда хотимъ говорить объ этомъ предметѣ.—И посему мы предаемся въ руки Господа, мы хотимъ согрѣться Его духомъ; но и тогда еще мы не будемъ въ силахъ возвыситься на страшную высоту этого предмета. Прежде, нежели мы можемъ сдѣлать правильное представленіе о любви къ намъ Иисуса Христа, мы должны постигнуть ту славу, которую Онъ имѣлъ какъ Богъ—въ высотѣ своего величія,—и потомъ, глубину Его униженія при вочеловѣченіи на землѣ. Но кто можетъ изобразить величіе Христа? Истинный Богъ, Онъ царствуетъ предвѣчно въ вышнихъ небесахъ; Имъ сотворены были небеса со всѣмъ ихъ воинствомъ; Его могуществомъ произошла земля изъ ничтожества; Его всемогущая рука устроила и поддерживаетъ міръ звѣз-

одна изъ его проповѣдей. Передаемъ вкратцѣ нѣсколько свѣдѣній о личности этого англійскаго проповѣдника. Чарльзъ Спуржонъ—англиканскій священникъ общества диссидентовъ. Онъ родился въ 1834 г. Проповѣдническое поприще онъ началъ 16-ти лѣтъ отъ роду, будучи еще наставникомъ въ Кембриджской школѣ. Сначала всѣ свободные отъ занятій часы онъ употреблялъ на посѣщеніе деревень, сосѣднихъ съ мѣстомъ своего жительства, входилъ въ дома поселянъ, читалъ имъ Библию, училъ дѣтей. Потомъ, когда вокругъ него стали собираться толпы народа, жаждавшаго насладиться его бесѣдой, онъ, по желанію народа, сталъ проповѣдывать. Проповѣди свои онъ говорилъ большею частію вечеромъ, подъ открытымъ небомъ. Вскорѣ молва о немъ дошла до Лондона. Одна изъ значительнѣйшихъ церквей столицы изъявила желаніе пригласить къ себѣ проповѣдника. Спуржонъ принялъ приглашеніе, и въ короткое время успѣлъ приковать къ своей кафедрѣ вниманіе цѣлаго Лондона. Тогда было ему еще только двадцать три года, и англичане обыкновенно звали его: дитя-проповѣдникъ (*boy preacher*). Въ аудиторіяхъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ, помѣщалось до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Кромѣ Лондона, онъ обошелъ почти всю Англію въ качествѣ странствующаго миссіонера, и всюду его проповѣди слушались съ увлеченіемъ.—

Полагаемъ, что не будетъ дѣломъ бесполезнымъ познакомиться нашихъ читателей съ духомъ и характеромъ произведеній этого англійскаго проповѣдника. Мы вообще мало знакомы съ иностранной проповѣднической литературой: кромѣ старинныхъ переводовъ Массильона и Фенелона, нынѣ уже очень рѣдкихъ, кажется, у насъ въ печати найдется очень немногое по этой части. Между тѣмъ подобныя сочиненія имѣютъ очень много интереса какъ для духовныхъ лицъ, изучающихъ гомилетическое искусство, такъ и вообще для любителей религіознаго чтенія, ищущихъ въ немъ назиданія, утѣшенія и наслажденія.

Предлагаемый переводъ сдѣланъ впрочемъ не прямо съ англійскаго оригинала, котораго подъ руками мы не имѣли, а съ нѣмецкаго перевода Спуржоновыхъ проповѣдей: „*Predigten von Charles Spurgeon, Prediger in London. Aus Englischen, von Balmer—Rinck, III B. Hamburg. 1861—1864,*“ (I Band, Seiten 60—80).

дый; на Немъ покоятся столпы Неба; вокругъ Него всегда раздаются хвалебныя пѣсни ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ; пѣсни „аллелуя“ несутся цѣлыми хорами со всей вселенной непрестанно къ подножію Его престола; Онъ Владыка вѣхъ твореній—Богъ надъ вѣми, благословенный во вѣки! Кто можетъ измѣрить эту высоту? И однако,—мы должны понять ее прежде, чѣмъ можемъ измѣрить тотъ необыкновенный переходъ Его къ уничтоженію, который Онъ сдѣлалъ, сошедъ на землю, чтобы искупить наши души. Кто же можетъ сказать, какъ глубоко Онъ снизшелъ? Сдѣлается человѣкомъ—и этого уже было много; но сдѣлается *мужемъ болзней*—было еще больше; проливать кровь, страдать и умереть—этого было много для Сына Божія, но страдать такъ, какъ Онъ страдалъ,—этотъ неизреченный Мученикъ,—потерпѣть позорную смерть и оставленіе отъ Бога: это самая глубокая глубина Его искупительной любви, которую не можетъ постигнуть ни одинъ сотворенный духъ. И все-таки, мы должны прежде уразумѣть эту безконечную высоту, а потомъ эту безконечную глубину; однимъ словомъ—мы должны измѣрить безконечную пропасть между небомъ и адомъ прежде, чѣмъ можемъ уразумѣть любовь къ намъ Іисуса Христа.

Но если этотъ предметъ не можетъ быть вполне постигнутъ, то неужели, по этому, мы должны совсѣмъ оставить его безъ вниманія? Отнюдь нѣтъ! Пойдемъ теперь на Голгоѳу и посмотримъ тамъ на это великое Лице—Іисуса Христа, какъ Онъ, вмѣсто предлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегнувъ посрамленіе. Прежде всего мы обратимъ вниманіе *на позоръ Спасителя*; потомъ посмотримъ, *что побуждало Его терпѣть эти страданія*, и наконецъ воззримъ на Него, *какъ на нашу величественный образецъ*.

I.

Возлюбленные, я обращаю взоры ваши на посрамленіе Спасителя. Текстъ нашъ говоритъ о посрамленіи, или позорѣ,—и потому прежде, чѣмъ будемъ говорить о страданіяхъ Спасителя, скажемъ нѣсколько словъ вообще о томъ, что такое *позоръ*.

Можетъ быть, нѣтъ ничего такого, чего человѣкъ боялся бы столько, какъ позора. Мы чувствуемъ, что иногда сама смерть могла бы быть для насъ сносною, чѣмъ позоръ. И даже самые безбожные, самые жестокие люди гораздо больше боятся позора и презрѣнія со стороны своихъ соотечественниковъ, чѣмъ самыхъ страшныхъ мученій, которымъ могли-бы подвергнуться. Даже Авимелехъ—человѣкъ, который безъ страха умертвилъ собственныхъ братьевъ,—не могъ превозмочь страха стыда, когда „женщина бросила ему

на голову камень отъ жернова, и раздробила ему черепъ. Тогда воскликнулъ онъ съ рыданіемъ къ отроку, который носилъ его оружіе, и сказалъ ему: извлеки свой мечъ и умертви меня, чтобы не говорили обо мнѣ: онъ убитъ женщиною. Тогда отрокъ пронзилъ его, и онъ умеръ.“ Такого позора онъ не могъ перенести. Онъ лучше хотѣлъ умереть какъ самоубійца—по самоубійцею онъ и былъ—чѣмъ быть посрамленнымъ отъ стыда, что его поразила женщина. Точно также и Саулъ—человѣкъ, который не стыдился нарушить свою клятву и преслѣдовать своего зятя, какъ гоняются за курьезами на охотѣ въ горахъ,—охотнѣе бросился на свой собственный мечъ, чтобъ только не говорили о немъ: „его поразили Филистимляне.“ Тоже мы читаемъ и о царѣ Седекии; и онъ, какъ кажется, боялся только, какъ бы не попасть въ руки Халдеевъ, чтобы Іудеи, отведенные къ Навуходоносору, не обратили его въ предметъ посмѣянія (1).

Все это—только не многіе примѣры изъ многихъ, которые могли бы быть приведены. Извѣстно и то, что преступники и злодѣи часто имѣли больше страха предъ общественнымъ презрѣніемъ, чѣмъ предъ всѣмъ прочимъ. И дѣйствительно, ничто не можетъ столько унижить духъ человѣческій, какъ постоянное презрѣніе, какъ состояніе, въ которомъ человѣкъ всегда подвергается открытому поношенію со стороны своихъ собратій—людей. Даже еще болѣе: стыдъ есть нѣчто столь страшное для человѣка, что составляетъ часть наказаній адскихъ; одна изъ самыхъ горькихъ капель въ этомъ страшномъ сосудѣ несчастія есть: „вѣчный стыдъ и позоръ,“ для котораго воскреснутъ нечестивые въ послѣдній день. Быть презрѣнными отъ людей, презрѣнными отъ ангеловъ, презрѣнными отъ Бога—это глубина въ самомъ адѣ. Итакъ, переносить позоръ есть нѣчто страшное, и многія самыя гордыя природы должны бывать преклониться, если и разъ бываютъ покрыты позоромъ. Но для Спасителя позоръ долженъ былъ быть еще глубже; потому что, чѣмъ благороднѣе природа человѣка, тѣмъ скорѣе чувствуетъ онъ и малѣйшее презрѣніе, и тѣмъ мучительнѣе чувствуетъ онъ это презрѣніе. Презрѣніе, которое можетъ сносить обыкновенный человѣкъ, почти его и не чувствуя, чувствуется очень мучительно другимъ, который рожденъ, чтобы повелѣвать, и путь жизни котораго былъ окруженъ славой. Обѣднѣвшіе князья и пренебреженные монархи суть самыя несчастныя между несчастными. Но здѣсь—стоитъ презрѣннымъ, осмѣяннымъ, оплеваннымъ Самъ Царь славы, Искушитель, въ лицѣ ко-

(1) Замѣчательную особенность въ проповѣдяхъ Спуржона составляетъ между прочимъ стремленіе искать для явленій современной жизни соответственныхъ, параллельныхъ фактовъ въ исторіи жизни ветхозавѣтной. Прим. перев.

его сіяло не благородство только земное, но и величіе самаго Божества! Отсюда уже можно понять, что должно было выстрадать такое высокое лицо, каково Лицо Христа Спасителя...

Къ тому же еще, нѣкоторыя души имѣютъ столько нѣжности, столько чувствительности, что воспринимаятъ все ощущенія гораздо сильнѣе, чѣмъ прочие люди.... Люди подобнаго рода чувствуютъ даже малѣйшее выраженіе неблагодарности со стороны тѣхъ, кого любятъ. А если тѣ, за которыхъ они охотно желали бы страдать, выражаютъ даже противъ нихъ слова оскорбленія: то ихъ души бывають этимъ пораженны до самой глубины. Великое, теплое сердце Христово билось для блага человѣческаго рода; Онъ любилъ людей—до смерти; и вотъ—быть поруганнымъ отъ тѣхъ, за кого Онъ умеръ, быть оплеваннымъ отъ созданій, которыхъ Онъ хотѣлъ спасти, притти въ свое достоиніе, и чувствовать, что *свои* не хотятъ Его принять, а прямо изгоняютъ Его: все это, по истинѣ, можно назвать—*страданіемъ!* Вы, нѣжныя души, которыя можете оплакивать скорби другихъ, вы, которые любите ихъ любовью крѣпкою, какъ смерть, и ревностью, крѣпкою, какъ адъ, вы, и только вы одни можете предположить, что долженъ былъ терпѣть Спаситель, когда все ругались надъ Нимъ, все посмѣявались надъ Нимъ....

Еще разъ скажемъ: позоръ вообще ужасенъ для природы человѣческой; но несравненно болѣе ужасенъ онъ былъ для такой природы, какова была природа Спасителя,—для благороднѣйшей, сердечнѣйшей, любвеобильнѣйшей природы, которою никогда не обладалъ ни одинъ человѣкъ.

Теперь пойдемъ и посмотримъ на это прискорбнѣйшее зрѣлище: Иисуса, увѣнчанаго—позоромъ! Надъ Нимъ ругались троякимъ образомъ: позорнымъ обвиненіемъ, позорнымъ осмѣяніемъ и позорною крестною казнію.

1) Посмотримъ сначала на поруганіе Спасителя *позорнымъ обвиненіемъ*, которое было возведено на Него. Тотъ, въ Комъ не было никакого грѣха, Кто не сдѣлалъ никакой неправды, обвиняется въ преступленіи самаго мрачнаго свойства. Его приводятъ сначала предъ синадріонъ съ обвиненіемъ, ни больше, ни меньше, какъ съ такимъ, что Онъ хулитъ Бога! (Матѣ. 26, 65). Какъ? Могъ ли Онъ хулить Бога? Могъ ли хулить Бога Тотъ, Который говорить о Себѣ: „Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 6, 38)? Могъ ли хулить Бога Тотъ, Который, въ глубокой смертельной тоскѣ, когда орошалъ Его кровавый потъ, воскликнулъ: „Отецъ мой—не Моя, но Твоя воля да будетъ!“ (Лук. 22, 42)? Могъ ли Онъ хулить Бога? О, конечно—нѣтъ! Но потому-то самому, что такое дѣло было совершенно чуждо Его характеру, Онъ

долженъ былъ слишкомъ горько чувствовать обвиненіе въ немъ. Еслибъ и которые изъ васъ, братья мои, были обвинены въ томъ, что оскорбили Бога, то вы не очень удивились бы этому, ибо вы дѣйствительно это сдѣлали и даже *дѣлали* это до такой степени часто, что забыли почти, что Богъ отвращается отъ своихъ оскорбителей и что Онъ „не оставитъ безъ наказанія всякаго, кто принимаетъ всуе имя Его.“ Но тому, который, какъ Иисусъ, любилъ Его, и какъ Иисусъ, былъ послушенъ Ему, — подобное обвиненіе должно было причинить особенное страданіе.

Но этимъ еще не были довольны Его враги. Когда взвели на Него клевету, будто Онъ виновенъ въ хулѣ на Бога, стали обвинять Его еще и въ томъ, что Онъ виновенъ въ оскорбленіи государя. Они говорили, что Онъ — виновникъ возмущенія, они объявили Его измѣнникомъ въ отношеніи къ правительству Кесаря, — говорили, что Онъ возмущаетъ народъ, и самаго Себя объявляетъ царемъ. Но могъ ли Онъ допустить такую измѣну? Онъ, который говорил: *царство мое — не отъ міра сего, иначе слуги мои ратовали бы за Меня* (Іоан. 17, 36)? Тотъ, который нарочно удалился въ пустыню, когда пришли къ Нему и силою хотѣли поставить Его царемъ, могъ ли допустить измѣну противъ величества царскаго? Это было невозможно. Не заплатилъ ли Онъ двѣ драхмы, въ подать Кесарю (Мате. 17, 24—27)? Могъ ли Онъ допустить государственную измѣну? Да Онъ не могъ быть преступникомъ противъ Кесаря и потому, что былъ Господь самаго Кесаря: Онъ былъ Царь Царей и Господь Господствующихъ. Онъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ, совлечь царскую мантию съ плечъ Кесаря и сдѣлать его, однимъ Своимъ словомъ, пищею червей. Ему допустить измѣну! Какъ далеко былъ отъ этого Иисусъ, вроткій, смиренный Иисусъ, — какъ далеко Онъ былъ отъ того, чтобы производить возмущеніе и возбуждать людей возставать другъ на друга! Ахъ! Онъ былъ благодѣтель своей страны, и благодѣтель — цѣлаго человѣческаго рода; Онъ пришелъ не для того, чтобы возбуждать междоусобія! И однако было взведено на Него такое позорное обвиненіе!... И Онъ былъ причисленъ къ злодѣямъ!

2) Далѣе, Христосъ терпѣлъ не только позорное обвиненіе, — Онъ терпѣлъ также и *позорное осмѣяніе*. Когда Иисусъ Христосъ былъ приведенъ къ Ироду, то Иродъ уничижилъ Его и наругался надъ Нимъ (Лук. 23, 11), то есть человѣкъ сочелъ за ничто Сына Божія! Правда, Онъ Самъ уничижалъ Себя, Онъ Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ, что Онъ — червь, а не человѣкъ; но такъ говорилъ о Себѣ Онъ Самъ, а теперь такъ позорно дерзаетъ насмѣяться о Немъ, ктоже? — Иродъ! Ему стоило бы только взглянуть на Ирода.

и Иродъ былъ бы уничтоженъ однимъ взоромъ Его пламенныхъ очей. Но вотъ Иродъ насмѣхается, и Иисусъ—ничего не говоритъ; войны окружаютъ Его, и поражаютъ душу Его самыми грубыми насмѣшками, а Онъ не говоритъ ни одного слова: Онъ стоитъ, „какъ агнецъ, ведомый на закланіе, какъ овца, безгласная предъ стригущимъ ее.“

Надобно замѣтить, что при поруганіи Иисуса Христа, начиная отъ двора Ирода даже до того времени, когда Онъ былъ веденъ, изъ судилища Пилата, на распятіе, и потомъ съ этого времени до самой Его смерти,—характеры ругателей Его были различны. Они смѣялись сначала надъ *множествомъ* Спасителя. Фактъ, о которомъ мы не многое дерзаемъ сказать, и о которомъ должны только многое думать, состоитъ въ томъ, что со Спасителя были совлечены все одежды среди грубой толпы воиновъ. Мы совѣмъ не можемъ безъ стыда говорить о томъ, что было сдѣлано нашею собственною плотью и кровью противъ Того, Кто былъ нашимъ Искупителемъ. Его святые члены, Его святое тѣло, вмѣстелище драгоценной души, были позорно обнажены на публичное поруганіе людей, и притомъ людей грубыхъ, чуждыхъ всякаго чуждаго чувства. Христосъ былъ дважды обнажаемъ такимъ образомъ; Онъ висѣлъ и на крестѣ нагъ,—какъ истинный образъ нашей духовной наготы! Ахъ! Тотъ, который такъ великолѣпно одѣваетъ полевые лиліи, не имѣлъ теперь, чѣмъ одѣться! Ахъ,—Онъ сдѣлалъ Адаму и Евѣ кожаня ризы, когда они были наги въ саду Эдемскомъ, Онъ взялъ отъ нихъ эти убогіе смоковничные листья, которыми они старались прикрыть свою наготу и вмѣсто нихъ далъ имъ нѣчто такое, во что они могли облачиться и укрыться отъ холода; но теперь распинатели дѣлаютъ между собою Его одежды, и о ризѣ Его метаютъ жребій, между тѣмъ какъ Онъ, обнаженный, подвергнутый безсердечному поруганію толпы, не имѣетъ ничего, чтобы прикрыть свою наготу!—Но когда Иисусъ Христосъ объявилъ, что Онъ—Сынъ Божій: то стали смѣяться тогда и надъ Его Божественнымъ лицомъ, какъ прежде смѣялись надъ человѣческимъ. „А, ты Сынъ Божій?“ восклицали ругатели,—„такъ сойди со креста, и мы повѣримъ Тебѣ“ (Лук. 23, 35—37). Часто они вызывали Его на то, чтобы Онъ доказалъ Свое Божество отреченіемъ отъ дѣла, которое предпринялъ. Теперь они требовали отъ Него такого дѣла, которое сдѣлало бы положительно сомнительнымъ Его Божество,—чтобы уже тогда, какъ говорили, можно было Ему поклоняться, какъ Сыну Божію. Можете ли вы это понять? Что Христосъ былъ осмѣиваемъ, какъ человѣкъ—это еще мы можемъ понять,—потому что Онъ Самъ подвергъ себя этому позору. Но быть Ему осмѣиваемымъ—какъ Богу!—О, можетъ ли кто изъ насъ

измѣрить всю глубину этого оскорбленія?... Тотъ, Который наполняетъ Собой все, и чрезъ Котораго все,—быль осмѣянь, поруганъ, презрѣнь своимъ ничтожнымъ созданиємъ?! Да, здѣсь было истинное презрѣніе — презрѣніе цѣлой личности Христа, и человѣчества Его, и Божества.

Надобно замѣтить, что ругатели Христа насмѣхались и надъ Его служеніемъ. Служеніе Христа было тройкое: царское, пророческое и первосвященническое. Христосъ былъ царь. И не было никогда такого царя, какъ Онъ. Онъ былъ Давидъ Израиля; всѣ сердца народа израильскаго бились о Немъ. Онъ былъ Соломонъ Израиля; и Ему принадлежало господство отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до предѣловъ земли. Будучи Царемъ всѣхъ царей и Господомъ всѣхъ господствующихъ, по Божеству, Христосъ былъ Царь и въ земномъ смыслѣ этого слова. Да,—Онъ былъ царь — потомокъ истинно царской крови, истинно царскаго происхожденія, который только сложилъ съ Себя Свое царственное величіе и смѣшался съ обыкновеннымъ народомъ. Что же дѣлають съ Нимъ? Приносятъ ли предъ Нимъ вѣнцы славы? Растилають ли предъ Нимъ сильные земли свои одежды, какъ ковры для Его ногъ? Смотрите, что съ Нимъ дѣлають. Отдають Его грубой, простой толпѣ воиновъ. Они приносятъ предъ Нимъ обрубокъ дерева (2), садятъ Его на немъ, какъ бы на тронѣ, приносятъ старую воинскую эпанчу багрянаго, или пурпуроваго цвѣта, и облачаютъ Его въ эту эпанчу. Они сплетаютъ вѣнецъ изъ колючихъ терновъ и возлагають этотъ вѣнецъ на Его главу — главу, уже увѣнчанную звѣздами; потомъ даютъ Ему въ руки, — руки, неповинныя ни въ чемъ оскорбленіи — скипетръ, сдѣланный изъ тростника, преклоняють колѣна, и при этомъ знакѣ благоговѣнія, подобающемъ царскому величеству, начинаютъ плевать Ему въ лицо и восклицаютъ: „*Радуйся, Царь Іудейскій!*“ Потомъ бьютъ Его въ лицо, по ланитамъ; берутъ изъ рукъ трость, и ударяють ею по Божественной главѣ! Нѣтъ зрѣлища, болѣе раздирающаго сердца, какъ видѣть поруганнаго царя. Вамъ извѣстна, конечно, исторія объ англійскомъ королѣ, котораго жестокіе враги низвели въ могилу. Они посадили его на муравейникъ, и назвали этотъ муравейникъ — его трономъ; потомъ умили ему лице самой грязной болотной водой, каковую только могли найти; и когда слезы текли по ланитамъ бѣднаго короля, онъ говорилъ „я опять умоюсь чистою водою,“ — хотя и совершенно въ этомъ ошибался. Но здѣсь вы

(2) Въ Евангеліи ничего не говорится объ этомъ, но по преданію, этотъ деревянный обрубокъ существуетъ доселѣ. Извѣстный „ипокъ Пареевій“ рассказываетъ въ своихъ „странствіяхъ и путешествіяхъ,“ что самъ видѣлъ эту вещь въ Іерусалимѣ. (См. означенную книгу, Ч. IV, стр. 18). Прим. перев.

видите—Царя всѣхъ царей и Господа всѣхъ господствующихъ. И вотъ какое Ему чествованіе: плеванія изъ нечистыхъ устъ; и вотъ знаки почестей, Имъ принимаемыхъ: кулачные удары скверныхъ рукъ; и вотъ Ему дань—насмѣшки нечестивыхъ языковъ! Былъ ли когда либо позоръ, подобный Твоему позору, о Царь всѣхъ царей, Господь всѣхъ міровъ, поругаемый толпою наемниковъ, зашасемый подлыми руками? О земля, земля! Какъ могла снести ты такое злодѣяніе! О небеса! Какъ не низверглись вы отъ ужаса, чтобы раздавить презрѣнную тварь, которая такъ ругалась надъ своимъ Создателемъ? Да, здѣсь дѣйствительно былъ *позоръ*: тутъ Царь былъ поругаемъ своими подданными!

Но Христосъ былъ также Пророкъ. Что же дѣлають съ Нимъ, чтобы поругать Его, какъ пророка? Завязываютъ Ему глаза, потомъ ударяють въ лицо, и спрашиваютъ: „*пророки, Христосъ, кто Тебя ударилъ?*—Мы любимъ пророковъ; и совершенно естественно—если мы вѣруемъ слову пророка, то любимъ и самую его личность. Мы вѣруемъ, что Христосъ былъ первый и послѣдній изъ пророковъ; отъ Него были посылаемы всѣ другіе пророки; мы преклоняемся предъ Нимъ и молимся Ему въ глубочайшемъ благоговѣніи. Мы считали бы для себя величайшею честью сидѣть при Его ногахъ, подобно Маріи Магдалинѣ; мы желали бы, какъ она, лобызать Его ноги, орошать ихъ нашими слезами, и отирать своими волосами; мы чувствуемъ, какъ Іоаннъ Креститель, что недостойны отвязать ремень отъ Его сандалій—и потому можемъ ли не придти въ ужасъ, когда видимъ теперь Ісуса, пророка,—съ этими завязанными глазами, ударяемаго въ ланиты и всачески уничижаемаго?

Ругались также враги Христовы и надъ *первосвященническимъ* Его служеніемъ. Ісусъ Христосъ пришелъ въ міръ, чтобъ быть первосвященникомъ и Самимъ Собою принести жертву за наши грѣхи. Поэтому - то враги Его хотѣли поругать и это самое первосвященство. Все спасеніе отъ грѣховъ заключалось въ рукахъ сего Первосвященника. И потому враги Его говорили Ему: „*если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ! Другихъ спасалъ, а Себя не можешь спасти* (Лук. 23, 25)! О, какая въ этомъ непроницаемая тьма уничиженія! Какую невыразимую глубину позора открываемъ мы здѣсь, когда видимъ, что этотъ великій Первосвященникъ, Котораго мы исповѣдуемъ, Который Самъ есть—и агнецъ пасхальный, и алтарь, и жрецъ, и жертва,—что Онъ, воплотившійся Сынъ Божій, Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра, подвергается такому уничиженію и поруганію!

Насмѣхались также враги Христовы и надъ Его *страданіями*.... Что не претерпѣлъ Спаситель нашъ подъ ударами бичеванія? Онъ

былъ уязвляемъ за наши преступленія и мученъ былъ за наши грѣхи. Наказаніе лежало на Немъ, чтобы мы получили миръ; язвыми Его мы исцѣлимъ“ (Исаи 53, 4). Какъ тяжело должно было быть бичеваніе, если для изображенія онаго Пророкъ употребляетъ слова: *язвенъ, мученъ, наказанъ!*.. Какъ тяжелы были эти страданія, если мы представимъ себѣ, что при каждомъ ударѣ мучителей раздавались еще слова презрѣнія и поруганія, и когда кровь текла ручьями и плоть отрывалась отъ костей, все больше и больше раздавались слова посмѣянія, которыя еще чувствительнѣе, еще мучительнѣе усиливали Его страданія! И когда наконецъ Христосъ пришелъ ко кресту и былъ пригвожденъ къ нему, и тогда враги Его продолжали свои ругательства надъ Его страданіями. Въ Евангеліи сказано, что первосвященники и книжники и старѣйшины и фарисеи стояли при крестѣ и злобно насмѣхались надъ Страдальцемъ. И вотъ, когда они видѣли, что глава Христова поникаетъ на грудь, то можетъ быть выражали при этомъ случаѣ такое горькое замѣчаніе: „А! теперь Онъ не будетъ больше возвышать своей головы предъ народомъ!“ когда же обращали взглядъ на Его, истекающія кровью, руки, говорили: „А! теперь эти руки не будутъ уже больше прикасаться къ прокаженнымъ и воскрешать мертвецовъ!“ и когда видѣли Его израненныя ноги, замѣчали: „А! этотъ благочестивый странникъ кончилъ теперь свои странствованія, и не сдѣлаетъ уже ни одного шага по нашей землѣ!“ Можетъ быть были и другія, грубыя и пошлыя, и даже совершенно безчинныя насмѣшки надъ Спасителемъ. Такъ они издѣвались надъ Нимъ и тогда, когда Онъ воскликнулъ наконецъ: „жажду!“ Они дали Ему пить уксусъ; — насмѣхались, значить, даже надъ самою Его жаждою, предполагая, что уксусъ можетъ утолить ее.

Но я долженъ сказать еще о томъ, что гораздо хуже, чѣмъ все предъидущее. Они насмѣхались надъ самою Его *молитвою*. Случалось ли кому нибудь изъ васъ читать въ запискахъ объ исполненіи смертныхъ приговоровъ, или въ исторіи смертоубійствъ, чтобы люди смѣялись надъ послѣдней молитвой умирающаго своего собрата? Я читалъ нѣкоторые рассказы о душегубцахъ, которые вдругъ нападали на свои жертвы, — но когда несчастный, видя предъ своими глазами смерть, просилъ у своихъ убійцъ одной милости — дать ему нѣсколько мгновеній для молитвы предъ смертію — то рѣдко случалось, чтобы они не удовлетворяли этой просьбѣ. Но мнѣ ни разу не случалось читать, чтобы они смѣялись надъ этой послѣдней предсмертной молитвой своихъ жертвъ. Не такъ было съ распятымъ Спасителемъ. Каждое слово, которое Онъ произносилъ, вися на крестѣ, давало Его врагамъ поводъ

или къ злой насмѣлкѣ, или къ оскорбительному замѣчанію. И когда Онъ, наконецъ, въ страшной предсмертной мукѣ, восклицаетъ слова, отъ звука которыхъ задрожжала земля и разсѣлись скалы пещеръ: *Элі, Элі! Ламѣ азабтани* (3) (*Боже мой, Боже мой! Почему Ты Меня оставилъ*)? и тогда они не могли удержаться, чтобъ не изощрить надъ этимъ своего остроумія: „*Смотрите*“—говорили они—*Онъ зоветъ Ілію; посмотримъ, придетъ ли Ілія спасти Его* (Матѳ. 27, 46—49)!“ Итакъ—Онъ былъ поруганъ даже въ своей молитвѣ! О Іисусе! Кто любилъ, какъ Ты? Какое терпѣніе подобно было Твоему терпѣнію, когда Ты претерпѣлъ сей крестъ, пренебрегши посрамленіе?

3) Я изобразилъ поруганіе Спасителя; но чувствую при этомъ, что еще не могъ вполне выразить всю глубину посрамленія, которымъ Онъ былъ пораженъ. Можетъ быть мнѣ лучше удастся, если я за тѣмъ перейду къ изображенію Его *позорной смерти*, на которую указываютъ слова избраннаго нами текста: *Онъ претерпѣлъ крестъ, пренебрегши поношеніе*.

Крестъ, крестъ! Вы слышите это слово и не соединяете теперь съ нимъ ничего постыднаго. Есть въ наше время другіе роды казней, которые гораздо позорнѣе. Напримѣръ нынѣ считается позорнымъ умереть на гильотинѣ; позорно умереть на плахѣ, а всего позорнѣе—на висѣлицѣ. Но знайте, что все это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что означалъ „крестъ“ во дни Христа. Распятіе на крестѣ было смертною казнію, къ которой могли быть присуждены только невольники, и то только въ такомъ случаѣ, когда они допускали какое либо достойное проклятія преступленіе, напримѣръ измѣну противъ своего господина или убійство его. Умереть на крестномъ дрѣвѣ считалось тогда самымъ страшнымъ наказаніемъ. Всякій другой родъ смерти тогда былъ предпочитаемъ въ сравненіи съ этимъ; при всякомъ другомъ родѣ смерти было какое нибудь обстоятельство, уменьшающее, хотя даже и въ малой степени, ея мучительность—напр. скорость исполненія, или мень-

(3) Такъ читаются эти слова, взятія изъ псалма 21, въ нынѣшнемъ пунктированномъ текстѣ Еврейской Библии. Въ евангеліяхъ греческомъ и славянскомъ они, какъ извѣстно, читаются такъ: „*Илі, Ілі, ламѣ савахані*.“ Здѣсь не мѣсто представлять ученый экзегезисъ о разностяхъ такого чтенія. Припомнимъ только, во первыхъ то, что вообще по переводу 70, чтеніе еврейскихъ словъ нѣсколько отлично отъ ученаго нынѣшняго чтенія; а во вторыхъ припомнимъ то, что и греческій языкъ имѣетъ тоже двѣ системы чтенія (Рейхлина и Эразма). По одной системѣ буква β, напр., есть вита, а по другому бѣта, γ—по одному ита, по другому эта, и пр. Значить вмѣсто словъ *Илі, Ілі* и по гречески можно читать *Элі, Элі* и проч. Примѣч. перев.

шая степень позора, или что нибудь другое. Но крестъ—быть смертною казню самаго отвѣденнаго злодѣя, убійцы, разбойника. То была мучительная, медленная смерть—истинное изобрѣтеніе дьявольской жестокости и звѣрства, и притомъ она соединялась съ величайшимъ позоромъ. И все это претерпѣлъ Христосъ!—Въ наше время, какъ я сказалъ уже, крестъ не заключаетъ въ себѣ ничего постыднаго, даже напротивъ. Каждый христіанскій монархъ носитъ его на своемъ блистающемъ вѣнцѣ, каждый побѣдоносный воинъ—на своемъ развѣвающимся знамени. Окованный золотомъ и драгоценными камнями, крестъ теперь, поистинѣ, есть знаменіе царственнаго достоинства (*). Самыя тонкія гравюры на стали, самыя изящныя картины посвящаются представленію этого предмета. Христіане поклоняются кресту, благоговѣютъ предъ нимъ. Поэтому мнѣ кажется въ наше время невозможно представить, во всей полнотѣ смысла позоръ креста. Но тогда зналъ всякій іудей, зналъ и всякій римлянинъ, зналъ и самъ Христосъ, какъ страшно, какъ постыдно было умирать на крестѣ.

Не забудьте еще, что при распятіи Спасителя были нѣкоторыя особенныя обстоятельства, увеличивавшія Его позоръ. Такъ напримѣръ, Онъ самъ долженъ былъ нести крестъ; Онъ былъ распятъ на обыкновенномъ мѣстѣ казни всѣхъ злодѣевъ—на горѣ висѣлицъ, Голгоѣ. Тогда былъ праздникъ Пасхи, и въ Іерусалимѣ со всѣхъ концовъ собиралось множество народу. Тамъ были представители всѣхъ націй, чтобы созерцать это страшное зрѣлище—Паряне и Мидяне и Эламиты и жители Месопотаміи и Греціи, и можетъ быть, отдаленнаго Фарсиса и острововъ морскихъ (Дѣян. 2, 9). Всѣ они могли быть согласны въ своемъ воззрѣніи на этотъ позоръ, и всѣ они увеличивали позоръ Спасителя. Притомъ Онъ былъ распятъ между двумя разбойниками, какъ будто былъ еще хуже ихъ.—Быль ли когда нибудь такой позоръ, какъ этотъ?

Теперь пойдѣмъ и станѣмъ при крестѣ. Крестъ, крестъ! Слезы льются, лишь только подумаешь о немъ. Вотъ, кладутъ на землю толстую плаху, съ перекладною поперекъ; низвергаютъ на нее Божественнаго Страдальца; четыре грубыхъ воина распростираютъ по кресту Его руки и ноги, и острые гвозди пронзаютъ его Божественные члены. Онъ начинаетъ уже истекать кровью, — но вотъ крестъ поднимаютъ вверхъ, и однимъ быстрымъ размахомъ спускаютъ въ приготовленную уже яму, чтобы утвердить его въ ней. Страшный размахъ, который терзаетъ каждый составъ, растягиваетъ каждую жилу! И вотъ, обнаженный, выставленъ Онъ на позорище, на палачемъ солнечномъ зноѣ, предъ лицомъ всѣхъ многочисленныхъ зрителей. Его начинаетъ уже му-

(*). И безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній пречестный крестъ Христовъ—самъ по себѣ есть таковое „знаменіе!“—Р е л.

чить изнурительная лихорадка; его языкъ иссыхаетъ, какъ черепокъ, отъ томительной жажды, и приликаетъ къ гортани; тѣло Его, давно изнуренное постомъ, бичеваніемъ во дворцѣ Пилата, уже при вратахъ смерти. Однако Онъ виситъ еще, съ пронзенными руками и ногами, нѣжнѣйшими членами тѣла; острое желѣзо прорѣзываетъ и прорываетъ себѣ свой страшный путь именно тамъ, гдѣ большее количество нервовъ и гдѣ сильнѣе чувствительность. Мученія усиливаются все болѣе и болѣе: когда нестерпимая боль въ рукахъ, разрываемыхъ, отъ тяжести тѣла, гвоздями, заставляетъ крѣпче уравниваться на ногахъ, острое желѣзо разрываетъ и ноги,—и когда утомленные колѣна дрожатъ и не могутъ уже поддерживать тяжести тѣла, страшная рѣзъ начинаетъ опять появляться въ рукахъ. Ужасное зрѣлище! Но вы видите еще только внѣшность, а не можете видѣть страданій внутреннихъ,— да еслибъ и могли ихъ видѣть, то глаза ваши были бы поражены вѣчною слѣпотою, хотя бы они и свѣтились, какъ очи ангела. Ибо здѣсь—умирала—Христова душа. Знаете ли вы мученія умирающей души? Нѣтъ, еще ни одна душа не умерла на землѣ—и только адъ есть мѣсто умершихъ душъ, гдѣ они вѣчно умираютъ второю смертію. И вотъ на Христову душу адъ излилъ весь свой пылающій пламень. Душа Христова боролась со всѣми силами ада, которыхъ ярость была тѣмъ сильнѣе, что это было послѣднее нападеніе, которое они могли сдѣлать противъ Него. И при всемъ томъ, Христосъ лишился даже и того, что составляетъ огражденіе и щитъ мученика,— общенія съ Богомъ,—и это было самую горькою каплею въ чашѣ Его страданій. Самъ Богъ Отецъ наложилъ на Него Свою руку. И Онъ восхотѣлъ поразить Его такимъ образомъ потому, что Онъ отдалъ жизнь Свою въ жертву искупительную за грѣхи людей. Итакъ Богъ Отецъ, въ лонѣ Коего Онъ покоился въ вѣчномъ блаженствѣ, скрываетъ отъ Него Свое лицо. Итакъ Исусъ былъ оставленъ и Богомъ, и людьми; одинъ входитъ Онъ въ точило виноградника и расширяется въ этомъ точилѣ, и Его одежда обагрывается Его собственною кровію (4). О, бывало ли когда нибудь такое мученіе? Никакая любовь не можетъ его изобразить. Да, если бы пришла мнѣ въ душу мысль, которая вѣрно понимаетъ страданія Христа, то она замкнула бы мои уста прежде, чѣмъ я могъ-бы выразить ее. Мученіе Спасителя—это пещь Навуходоносора, семь разъ разженная, и столь же болѣе жаркая всякаго человѣческаго страданія, какое когда либо бывало на землѣ. Каж-

(4) Извѣстно, что, по ветхозавѣтнымъ изображеніямъ, точило виноградника служить символомъ страданій Иисуса Христа. Прим. перев.

дая его жила представляла собою какъ бы стезю, по которой шествовали на Него, пылающими стопами, мученія, — каждый Его нервъ образовалъ собою какъ бы струну въ арфѣ страданій, которая отражала на себѣ звуки дигармоническаго завыванія ада. На душу Христа низверглись всѣ мученія, которыя должны были терпѣть осужденные во адѣ. Онъ былъ цѣлю для стрѣлъ Всемогущаго, омоченныхъ въ ядѣ нашихъ грѣховъ; всѣ бури Вѣчнаго устремились на Скалу нашего спасенія. Онъ былъ разбитъ, раздавленъ, растерзанъ, замученъ — и Его душа смутилась даже до смерти...

Но довольно. Я не могу этого изобразить. Я могу только плакать объ этомъ; и вы тоже можете плакать. Скалы разсѣлись, когда Иисусъ умеръ, и наши сердца должны быть крѣпче самаго твердаго мрамора, если они теперь ничего не чувствуютъ. И солнце пролило великія слезы, такъ, что потухли его пламенные счи, — и намъ ли не плакать, намъ, за которыхъ умеръ Спаситель? Нашимъ ли сердцамъ не дрожать при мысли, что Онъ претерпѣлъ столь много — за насъ?...

О посярмленіи, сдѣланномъ Христу, сказано въ нашемъ текстѣ такъ: *Онъ пренебрегъ посярмленіе*. Да, Онъ считалъ этотъ позоръ столь малымъ въ сравненіи съ радостію, которая Ему предлежала, что какъ - будто его и не было. Но Онъ не могъ пренебредить Свой страданія; нельзя было сказать о крестѣ, что Онъ пренебредилъ крестъ, ибо крестныя страданія были столь страшны, что даже и Самъ Христосъ не могъ считать ихъ ничтожными. Посему и сказано: „Онъ претерпѣлъ крестъ“; о позорѣ же креста Онъ не заботился, ибо долженъ былъ претерпѣть крестъ, долженъ былъ распяться на немъ. И такъ *Онъ претерпѣлъ крестъ, а пренебрегъ посярмленіе*.

II.

Теперь посмотримъ, что побуждало Христа перенести эти страданія. Въ избранномъ нами текстѣ сказано объ этомъ такъ: Онъ претерпѣлъ крестъ *вмѣсто предлежавшей Ему радости*, — т. е. Онъ перенесъ всѣ эти страданія за ту радость, которая Ему предстояла. Возлюбленные, какаѣ это была радость? Главная радость, которая носилась предъ взорами Христа во время Его страданій, была радость о томъ, что чрезъ свои страданія Онъ спасетъ — и васъ, и меня. Мысль объ этомъ способна, кажется, раздробить скалы, и размягчить сердца, которыя тверже желѣза и стали! Конечно, Его радость была и въ томъ, чтобы исполнить волю Отца, возсѣсть одесную Его престола, сдѣлаться совершеннымъ чрезъ страданія: но самымъ могущественнымъ, самымъ сильнымъ побужденіемъ для Спасителя къ претерпѣнію страданій была радость о нашемъ спасеніи. — Знаете ли вы радость — благодѣтельство-

вать другимъ? Если не знаете, то я увѣряю васъ, что это самая сладкая изъ всѣхъ радостей, которыя Богъ оставилъ человѣку въ этой бѣдной земной пустынь. Не видали ли вы голодныхъ нищихъ, много часовъ не имѣвшихъ, можетъ быть, куска хлѣба, не видали ли вы, какъ они подходятъ къ вашему дому, почти нагіе, — ибо принуждены были отдать свою одежду, чтобы купить на нее хлѣба для утоленія своего голода? Не слышали ли вы скорбныхъ повѣстей о тѣснотѣ, болѣзни, холодѣ, голодѣ, жадѣ? И не отвѣчали ли вы тогда бѣднякамъ: „я васъ одѣну, я васъ насыщу.“ Не вкушали ли вы этой небесной радости, когда давали свои деньги бѣднымъ, когда серебро свое посвящали Богу, когда подавали оное голоднымъ нищимъ, и отходили отъ нихъ въ сторону, говорили про себя: „да будетъ отъ меня далека мысль, чтобы хвалиться собственною моею праведностію, но какъ прекрасно, и какъ хорошо, что моя жизнь посвящается для благотворенія бѣднымъ, страждущимъ моимъ собратіямъ, — питанію голодныхъ, одѣванію нагихъ?“ — Вотъ это и есть намекъ на ту радость, которую получилъ Христосъ, — радость имѣть возможность питать насъ хлѣбомъ жизни, радость — насъ, бѣдныхъ, обнаженныхъ грѣшниковъ одѣть въ одежду своей праведности, радость — нашимъ сирымъ, безроднымъ душамъ приготовить жилища на небѣ, — искупить насъ отъ плѣна адскаго и привести къ вѣчному блаженству на небесахъ.

Но почему Христосъ принялъ въ насъ такое участие? Почему Онъ рѣшился сдѣлать все это для насъ? Ахъ, братья мои, мы были недостойны, чтобы Онъ сдѣлалъ и самое малѣйшее для насъ. Скажемъ словами одного древняго церковнаго писателя: „Когда я вижу Христа пригвожденнымъ ко кресту, то мнѣ представляется, что Его умертвили собственные мои грѣхи. Я уже не вижу болѣе Пилата, но вижу на мѣстѣ Пилата самаго себя, — ибо я продаю Христа ради мірской славы. Я не слышу крика іудеевъ, но слышу, какъ собственные мои грѣхи вопіютъ: возьми, возьми, распни Его! Я не вижу больше желѣзныхъ гвоздей, но вижу собственные мои грѣхи, которые пригвождаютъ Его ко кресту. Я не вижу болѣе копья, прободающаго Его ребра, но вижу собственное мое невѣріе, которое поражаетъ Его сердце. Ибо вы, грѣхи мои, мои ужасные грѣхи, болѣе всего, замучили Его; каждый изъ моихъ грѣховъ былъ гвоздемъ на Его крестѣ, а мое невѣріе — было копьемъ, которое пронзило Его.“ Въ Римской церкви есть преданіе о томъ, будто тотъ человѣкъ, который пронзилъ копьемъ ребра Спасителя, въ послѣдствіи времени обратился къ Нему и сдѣлался вѣрнымъ послѣдователемъ Христа. Я не знаю, дѣйствительно ли это — фактъ; но знаю, что, въ духов-

номъ смыслѣ, этотъ случай совершенно справедливъ. Я знаю, что именно мы пронзили Спасителя; я знаю, что мы Его распяли на крестѣ. И однако— вотъ удивительное дѣло!—Его кровь, которую мы пролили, омыла насъ отъ всѣхъ нашихъ грѣховъ и сдѣлала насъ Его возлюбленными чадами. Можете ли вы уразумѣть это? Вотъ мы видимъ, какъ осмѣивается человѣческая личность Спасителя, какъ влекутъ Его по стогнамъ города, какъ приговождаютъ Его ко кресту, какъ садятся при самомъ крестѣ, чтобы ругаться надъ Нимъ. Но что же въ сердцѣ Иисуса, въ то время, когда все это дѣлается? Ничто, какъ самая полная любовь ко врагамъ! Они распинаютъ Его, а Онъ плачетъ—не столько о своихъ страданіяхъ, хотя они были и велики, сколько отъ мысли, которую тяжело было переносить, что люди, коихъ Онъ такъ любилъ, пригвоздили Его ко кресту! Изъ всѣхъ ударовъ, на Него посыпавшихся, это былъ самый тягостный.

О, какъ глубоко долженъ былъ чувствовать страданіе, въ самой глубинѣ своего сердца, Иисусъ Христосъ, зная, что эти страданія причинили Ему—Его избранные, что это сдѣлали—Имъ искупленные, что Его убійцами было—Его общество, что Его пригвоздилъ ко кресту—собственный Его народъ! Но все это могла пренобѣдить Его любовь; можешь ли же ты представить, какъ она была велика?—Представь себѣ: ты идешь теперь отсюда домой. У тебя есть врагъ, который всю свою жизнь былъ для тебя врагомъ. Его отецъ былъ для тебя врагъ, а теперь и онъ сталъ тебѣ врагомъ. Не проходитъ дня, чтобы ты не старался приобрести его дружбу; но онъ плюетъ тебѣ въ лице и проклинаетъ твое имя. Онъ дѣлаетъ вредъ даже друзьямъ твоимъ, и не оставляетъ безъ испытанія ничего, чѣмъ бы могъ причинить тебѣ скорбь. Теперь, когда ты идешь домой, вдругъ видишь, что какой-то домъ горитъ. Страшно въ немъ свирѣпствуетъ пламя, и дымъ густыми, черными клубами поднимается вверхъ. Множество народа собралось на улицахъ, и вотъ ты слышишь, что въ верхней комнатѣ есть какой-то человѣкъ, который долженъ плачевно погибнуть, ибо никто не хочетъ спасти его. Что это?—соображаешь ты—вѣдь это, кажется, домъ моего врага?“ Да, точно; вотъ и онъ самъ стоитъ тамъ у окна. „Я спасу его,“ восклицаешь ты, полный любви. А онъ, видя, что ты приближаешься къ его дому, высовываетъ свою голову изъ окна и проклинаетъ тебя. „Поди къ дьяволу,“ кричитъ онъ тебѣ, „лучше я погибну, нежели ты спасешь меня.“ Подумай, могъ ли бы ты броситься въ эти клубы дыма и пробираться по этимъ пылающимъ лѣстницамъ, чтобы его спасти, особенно, когда знаешь, что, какъ скоро пойдешь къ нему, онъ станетъ съ тобою бороться, чтобы ты самъ скорѣе

погибъ въ пламени, чѣмъ чтобы онъ сгорѣлъ? Ты говоришь: „Нѣтъ; это невозможно; это выше того, что могутъ сдѣлать плоть и кровь.“ Но Христосъ сдѣлалъ именно это. Мы Его ненавидѣли, мы Его презирали, и когда Онъ пришелъ насъ спасти, мы Его отвергли. Когда святой духъ Его приходитъ въ наши сердца и хочетъ насъ привлечь къ себѣ, мы противимся Ему—но Онъ все-таки хочетъ насъ спасти: да, Онъ ввергается именно въ это пламя, чтобы насъ спасти, какъ во время пожара. *Радостію Іисуса Христа была радость о спасеніи погибшихъ грѣшниковъ.* Вотъ почему Онъ и претерпѣлъ все это: Онъ хотѣлъ сдѣлать насъ блаженными.

III.

Теперь, да будетъ мнѣ еще позволено показать вамъ, возлюбленные, взглядъ на Спасителя, какъ на *нашъ образецъ*. Я говорю теперь съ христіанами, которые уже вкусили *добраго Божія глагола* (Евр. 6, 5) и чувствовали оный.... Христіане! Если Христосъ претерпѣлъ все это, чтобы имѣть только радость сдѣлать насъ блаженными, то неужели захотите вы стыдиться потерпѣть и перенести нѣчто ради Христа? О, я не удивляюсь тому, что мученики шли на смерть за Христа! Если любовь ко Христу излилась и въ наши сердца, то ужели и мы не могли бы твердо перенести всѣ страданія—ради Того, Который за насъ умеръ? Неужели есть между вами такіе люди, которые, желая вѣрно послѣдовать Христу, стали бы еще рассчитывать, что должны при этомъ потерять то или другое—свое положеніе, или свое доброе имя?—Или надъ вами станутъ насмѣхаться, если вы оставите міръ и послѣдуете Христу?—Какъ? И вы хотите отвратиться отъ Него изъ-за такихъ мелочей, тогда какъ Онъ не хотѣлъ отвратиться отъ васъ, не смотря на то, что ругался надъ Нимъ цѣлый міръ,—не хотѣлъ отвратиться, доко- лѣ не могъ сказать: „*Совершилось*“? Нѣтъ! При помощи Божіей, пусть каждый христіанинъ воздвигнетъ теперь свои руки къ Всевышнему Богу, Творцу неба и земли, и скажетъ самъ про себя: О мой Спаситель! Пусть свѣтъ покрываетъ меня своимъ позоромъ, ради сладчайшаго Твоего имени: Онъ дастъ мнѣ чрезъ это только небесный вѣнецъ славы; никакая смерть не устранитъ меня предъ любовію къ Тебѣ! „Христосъ—моя жизнь, и смерть—для меня приобретеніе.“ Я Христу принадлежу въ моей жизни, я—Его и въ моей смерти. Для Его славы я хочу жить, Ему хочу служить и тѣломъ, и душой; даже если этому должно случиться—я хочу и умереть ради Его имени. Помогите мнѣ въ этомъ, Господи Боже, ради самаго Іисуса Христа!

Перевелъ съ нѣмецкаго *П. Кокшаровъ*.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Записка гласнаго-священника объ улучшеніи быта православнаго духовенства.

Въ № 11 „Рязанскихъ Епарх. Вѣдомостей“ помѣщена записка гласнаго спасскаго уѣзда, священника Іоанна Молчанова, относительно улучшенія быта православнаго духовенства, читанная имъ 11 декабря прошедшаго года въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Записка эта встрѣчена собраніемъ сочувственно, и предложеніе выраженное ему въ ней, оно нашло нужнымъ подвергнуть обсужденію уѣздныхъ собраній, для чего и разослало печатные экземпляры сей записки къ гласнымъ. Откровенныя и здравыя сужденія автора дѣлають его записку не безъ-интересною для всякаго, кому не чуждо дѣло улучшенія быта православнаго духовенства; и мы позволяемъ себѣ познакомить съ нею нашихъ читателей.

Въ началѣ рѣчи авторъ, обращаясь къ исторіи вопроса объ улучшеніи быта православнаго духовенства русскаго, говоритъ, что вопросъ этотъ не новый, что онъ стоитъ открытымъ уже болѣе полутора столѣтій. „Еще государи Петръ Великій, Александръ Благословенный и Николай I, при великихъ своихъ государственныхъ дѣлахъ, помышляли о разрѣшеніи этого вопроса. Но, къ прискорбію, онъ для правительства нашего всегда являлся въ видѣ гордіева узла, и переходилъ понаслѣдію не разрѣшеннымъ отъ одного государя къ другому. Не миновалъ онъ и нынѣ благополучно Царствующаго, великаго преобразователя отечества, Александра II. Вмѣстѣ съ прочими предначертаніями, которыхъ большая часть приведена уже въ исполненіе, давъ строю нашей общественной жизни новый и лучшій видъ, поставленъ Имъ и вопросъ объ улучшеніи быта православнаго духовенства,—въ томъ современномъ духѣ и направленіи, какого требовали и требуютъ вновь зарождавшіяся нравственныя, умственныя и религіозныя потребности нашей, преобразованной на новыхъ основаніяхъ, общественной жизни. Но страшное явленіе! Россія, умѣвшая счастливо разрѣшить самыя трудныя и многосложныя задачи, доселѣ, повидимому, не находитъ силъ для разрѣшенія менѣе труднаго, но чрезвычайно важнаго вопроса о православномъ духовенствѣ. Со всѣхъ концовъ и изо всѣхъ слоевъ общества слышатся возгласы: „наше православное духовенство не удовлетворяетъ своему высокому назначенію, отстало въ образованіи, далеко не то,—что духовенство католическое, или лютеранское, —а другіе кричатъ: оно занято только своими поборами, и ничего не

дѣлать и т. п. (*); а между тѣмъ ничего не предпринимается, чтобы поднять это духовенство и поставить его въ такія условія, которыя бы ставили его въ положеніе, соотвѣтствующее его назначенію, и способствовали бы развитію его благотворной дѣятельности. По открытіи земскихъ учреждений, къ разрѣшенію этого вопроса правительствомъ приглашено земство. Въ прошломъ году на многихъ земскихъ собраніяхъ вопросъ этотъ былъ обсуживаемъ. И что же? Многими гласными много было высказано дѣльных, практическихъ, честныхъ и здравыхъ сужденій и предположеній по этому дѣлу; — а много нашлось и такихъ, которые отнесли къ нему безъ всякаго сочувствія и даже апатично. Разрѣшеніе вопроса, по этому случаю, и земскими собраніями пока не много подвинуто впередъ. Что же за причина, которая задерживаетъ разрѣшеніе его? По нашему мнѣнію — взглядъ на него единственно съ точки зрѣнія сословной. Въ разрѣшеніи вопроса о положеніи духовенства до сей поры общество усматривало стремленіе поднять сословіе духовное на счетъ другихъ сословій и въ интересѣ одного сословія. Словомъ: тормозила въ этомъ дѣлѣ сословная рознь. Нѣкоторые изъ членовъ рословскаго земскаго собранія, смоленск. губ., выражались такъ: „духовенство наше — каста, отсталая каста“. Выраженіе нѣсколько оскорбительное, — но оно вѣрно относительно взгляда на дѣло нашего общества, и болѣе или менѣе уясняетъ ту причину, которая заставляла до сей поры общество уклоняться отъ разрѣшенія вопроса. Если догадка наша не ошибочна, то мы долгомъ считаемъ объяснить почтенному собранію, что существующій взглядъ на дѣло улучшенія быта духовенства, какъ на дѣло сословное, въ настоящее время совершенно долженъ быть измѣненъ. Послѣ недавно совершившихся реформъ по духовному вѣдомству, дѣло объ улучшеніи быта духовенства положительно теряетъ характеръ сословнаго дѣла, — и должно быть обсуживаемо исключительно, какъ дѣло общественное и въ интересахъ попреимуществу самого же общества. Ибо отъ дурнаго устройства быта духовенства болѣе теряетъ во всѣхъ отношеніяхъ само общество, чѣмъ духовенство, — хотя послѣднее и крайне нуждается въ измѣненіи своего положенія.

„Правительство долгъ свой по отношенію къ духовенству, можно сказать, почти исполнило. Духовенство, по замѣчанію общества, отстало въ образованіи. Правительство, преобразуя духовно-учебныя заведенія, по новому уставу, даетъ имъ возможно лучшее, современное устройство. Обезпечивъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, оно и запросъ науки какъ духовной, такъ свѣт-

(*) Прав. Обзор., февр. 1867 г.

ской, общеобразовательной, поставило въ этихъ заведеніяхъ на широкую и твердую ногу. Нравственное воспитаніе, по уставу, устроится тоже на такихъ гуманнхъ началахъ, какія только выработаны до сего времени наукою и наблюденіемъ. Можно надѣяться, что служители церкви и алтаря Господня въ скоромъ времени вполнѣ приобрѣтутъ названіе людей образованныхъ и благовоспитанныхъ. Двери духовно-учебныхъ заведеній, по новому уставу, широко отворены для всѣхъ сословій. Имѣющій призваніе къ духовному служенію теперь не можетъ встрѣтить препятствій ни къ поступленію въ храмъ духовной науки, ни къ алтарю Господню. По Высочайшему распоряженію прекращена теперь и наследственность нашихъ мѣстъ. Теперь не наследуетъ мѣста священноцерковно-служителя ни сынъ его, ни дочь; а легко можетъ статься, что займетъ его получившій необходимое, спеціальное, богословское образованіе, достойный сынъ дворянина - помѣщика, купца, или даже одного изъ крестьянъ. *Сословія* духовнаго у насъ болѣе нѣтъ. Остается естественно только *званіе* духовное, служебное, какъ званіе чиновъ военныхъ и гражданскихъ. Чувствующие призваніе къ этому высокому и святому служенію у алтаря Господня приглашаются всѣ...

„Осмѣливаясь предложить почтенному собранію, чтобы оно благоволило принять участіе въ положеніи своего православнаго духовенства, и постаралось поднять и улучшить матеріальный бытъ его, мы вовсе не думаемъ просить отъ земства какихъ либо особенныхъ жертвъ, которыхъ принести въ настоящее время оно не въ состояніи, располагая очень незначительными средствами при своихъ огромныхъ и многоразличныхъ требованіяхъ. Желаніе наше, мы убѣждены, не будетъ выходить изъ предѣловъ сколько совершенно справедливаго, столько же и возможнаго.

„Въ 1862 году, когда самимъ Государемъ возбужденъ былъ вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства, въ духовной литературѣ со всѣхъ концовъ Россіи послышались отъ духовенства вопіющія жалобы на неудовлетворительность его средствъ, заключающуюся съ одной стороны въ ихъ скудость, а съ другой, еще болѣе, въ неудобномъ и тяжеломъ способѣ полученія ихъ. Увеличить средства, можетъ быть, земство не въ состояніи, но измѣнить способъ полученія ихъ, конечно, можетъ, если пожелаетъ. И уже одною этою мѣрою оно много возвыситъ и улучшить бытъ духовенства, и заслужитъ отъ него вполнѣ глубочайшую признательность. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли придумать болѣе радикальное средство къ тому, чтобы унизить званіе, возбудить въ обществѣ антагонизмъ къ нему и подорвать всякую нравственную связь съ нимъ, какъ то, которое доселѣ существуетъ

подъ названіемъ добротнаго вознагражденія за труды, какъ повседневный расчетъ за каждую потребу?! Совершилъ священникъ надъ младенцомъ таинство крещенія—ему надобно давать деньги, выслушалъ исповѣдь, сподобилъ св. Христовыхъ таинъ—давать деньги, совершилъ елеосвященіе—давать деньги, сочеталъ бракомъ деньги и деньги... А вѣдь каждому извѣстно, какъ непріятно выдавать ихъ, особенно за то, что, по убѣжденію вашему, должно быть раздаваемо даромъ. Что же изъ этого происходитъ? Прихожанинъ неразвитый старается дать священнику, за его послугу, какъ можно менѣе, — иногда дѣйствительно награждаетъ его, какъ нищаго. Священникъ, оскорбленный, униженный и поставленный въ крайность, съ своей стороны, старается взять съ него какъ можно болѣе. Результатъ всего этого—совершенный нравственный разрывъ: другъ къ другу недобріе, подозрительность и недоброжелательство. Непріятныя чувствованія испытываетъ въ душѣ прихожанинъ и вышаго круга, когда ему приходится расчитываться за труды съ священникомъ. Дать много,—думаетъ,—жалко и не за что; дать мало—запрещаетъ чувство честолюбія. Послѣднее иногда беретъ верхъ и онъ даетъ щедро, но за то въ душѣ у него ощущается чувство отталкивающее священника, —и онъ презираетъ его!... А сколько священникъ, по необходимости, долженъ бываетъ иногда выслушать униженія, дикаго сарказма отъ прихожанина, необразованнаго богача?! „Если уважишь меня, выпьешь,—вотъ тебѣ рубль, а не уважишь, и такъ пойдешь“. Нечего дѣлать; радъ или не радъ священникъ, а долженъ уважить своего патрона, и пить!...

„Позвольте, милостивые государи, попросить вашего терпѣнія и представить вамъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ жизни священника, которые обыкновенны при нынѣшнихъ порядкахъ. Въ престольные и годовые большіе праздники церковный причтъ, извѣстно, ходитъ съ крестомъ по домамъ прихожанъ. Первоначальная цѣль этого обычая конечно была нравственная,—взглядъ священника на христіанскій или не христіанскій образъ жизни прихожанина. Въ настоящее время цѣль эта изъ виду совершенно упущена, и осталось на дѣлѣ одно—побиршество. По выраженію народному: „поны ходить собирать гроши“. Выраженіе, какъ нельзя болѣе вѣрное! А между тѣмъ, изъ-за этихъ грошей, священникъ бѣгаетъ изъ двора во дворъ, часто при тридцати градусахъ мороза, съ открытою головою; по четверти часа стоитъ у запертыхъ воротъ, стучить, требуетъ, чтобы ему ихъ отперли,—и завѣзмъ этимъ нерѣдко получаетъ отказъ изъ окна отъ какого либо ребенка, который, наученный родителями, кричитъ: „батушки и матушки дома нѣтъ“, —и священникъ, съ двумя крестами: однимъ въ рукѣ, другимъ—въ сердцѣ, долженъ

отправляться далѣе, къ слѣдующимъ воротамъ, въ ожиданіи тойже процессіи и такого же привѣта. Ужели кто либо скажетъ, что такой способъ собиранія доходовъ сообразенъ съ званіемъ и достоинствомъ православнаго пастыря, — особенно если еще прибавить къ тому, — пастыря образованнаго?!

„А что сказать о томъ неблаговидномъ положеніи причта, въ которое онъ понеобходимости становится при сборахъ и раздѣлахъ разныхъ вещественныхъ доходовъ?? Нужно только взглянуть взглядомъ образованнаго человѣка на сельскій причтъ, какъ въ извѣстное время, съ мѣшками на плечахъ и съ вузовьями въ рукахъ, онъ нищенски бродитъ по анбарамъ и клѣткамъ, собирая начатки плодовъ земныхъ; или когда, послѣ вселенскаго помина, приступаетъ къ раскладкѣ и раздѣлу лежащихъ на полу въ храмѣ Божіемъ разныхъ предметовъ ястія, — и, при видѣ всего этого, невольно скажешь: пора измѣнить этотъ слишкомъ патріархальный обычай полученія доходовъ; пора уже уничтожить возможность появленія тѣхъ непріятныхъ исторій, которыя въ видѣ ходячихъ, скандальныхъ анекдотовъ про церковный причтъ распространены въ народѣ, и производятъ на него самыя невыгодныя для причта и религіи впечатлѣнія.

„Предложимъ еще одинъ анализъ тѣхъ грустныхъ явленій, когда священникъ становится понеобходимости въ противорѣчіе съ своими убѣжденіями и самыми святыми чувствами.

„Вотъ обыденный случай изъ церковно-общественной жизни: человѣкъ умираетъ! Ну, разумѣется, не лежать-же ему дома подъ образами, хотя бы это былъ и безцѣнный прахъ для семьи! И причтъ, по приглашенію хозяина, въ свое время выноситъ его въ храмъ Божій, совершаетъ хрістіанское погребеніе. За симъ, по обыкновенію, отправляется въ домъ для совершенія панахиды. Разные, мѣстные обряды и обычаи здѣсь не кстати описывать. Скажемъ только, что вся эта печальная процессія оканчивается всеѣмъ извѣстными словами: „во блаженномъ усненіи вѣчный покой подаждь Господи новопреставленному и пр.,“ при чемъ обыкновенно вся семья и родные падаютъ на землю, и съ воплемъ, раздирающимъ душу, омывають ее слезами. А вслѣдъ за симъ хозяинъ, не отирая рѣсницъ, изъ которыхъ градомъ катятся еще крупныя слезы, развертываетъ кошелекъ и, вынимая изъ него приготовленный гонорарій, подаетъ его омоченный слезами пастырю за труды. Нужнымъ считаю остановить вниманіе на этомъ фактѣ и спросить: принимая этотъ гонорарій, чтѣ долженъ чувствовать тотъ священникъ, который сознаетъ, что, по идеѣ евангельскаго пастыря, онъ долженъ быть другомъ и утѣшителемъ семьи въ постигшемъ его несчастіи?.. По нашему убѣжденію, нельзя придум-

нать болѣе нравственно-убійственнаго гонорарія, какъ сей, отъ котораго отказаться ему однакожъ нѣтъ никакой возможности, потому что въ немъ часто заключается единственное средство для существованія. Достоинъ сожалѣнія и участія бѣдный іерей! А между прочимъ, къ большому еще огорченію, пишется къ нему страшная антипатія. Въ воображеніи народа составилось понятіе объ немъ не по идеалу добраго евангельскаго пастыря, а по характеристическимъ чертамъ пастыря—наемника. Народное выраженіе: „попы съ живаго и съ мертваго берутъ“, звучитъ удивительно тяжело и непріятно!..

„Да избавить же насъ почтенное земство отъ столь тягостныхъ для самихъ насъ личныхъ поборовъ, извѣстныхъ подъ именемъ dobroхотныхъ подаваній!

„Осуществить на дѣлѣ справедливое желаніе сіе, съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ причта, можно было бы слѣдующимъ образомъ. 1) Доходы священноцерковнослужителей, какъ ни мелочны и ни разнообразны, однакожъ могутъ быть приведены въ извѣстность почти съ совершенною точностію. Пусть управы земскихъ собраній попросятъ мѣстные причты доставить имъ возможно точныя и добросовѣстныя свѣдѣнія о получаемыхъ имъ доходахъ какъ денежныхъ, такъ и хлѣбныхъ съ оцѣнкою, а затѣмъ эти свѣдѣнія повѣрять, съ одной стороны, при посредствѣ мѣстныхъ благочинныхъ, а съ другой мировыхъ судей, или—членовъ управы въ присутствіи нѣсколькихъ выборныхъ изъ числа прихожанъ. Когда такимъ образомъ опредѣлится сумма дохода причтовъ всего уѣзда, тогда сумму эту, земство благоволило бы разложить на землю,—не въ полномъ ея количествѣ,—а для болѣе уравнительнаго и сообразнаго съ послугами причта для каждаго лица,—въ количествѣ крестьянскаго надѣла на каждую приходскую душу, какаго бы званія она ни была. Крупныхъ же землевладѣльцевъ приходскихъ, сверхъ сего, пригласить увеличить этотъ взносъ по ихъ усердію, по подпискѣ. Эту послѣднюю мѣру предложить и тѣмъ изъ прихожанъ, которые въ приходѣ совершенно не имѣютъ земли. Причтамъ же предложить, чтобы они приняли на себя обязательство совершать какъ таинства, такъ и все необходимыя требы безмездно, кромѣ тѣхъ, которыя совершаются по исключительному усердію прихожанъ. Если бы предлагаемая нами мѣра была принята, то она, не увеличивъ ни на одну копейку расходовъ земства, однакожъ совершенно измѣнила бы бытъ духовенства, особенно въ нравственномъ отношеніи, облагородивъ его. Мѣра эта благодѣтельная для причта,—безъ сомнѣнія, благодѣтельно отозвалась бы и на части самихъ прихожанъ. Нынѣ тяжесть содержанія духовенства, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, по обычаю заведенныхъ одинаковыхъ

подавній отъ богатаго и бѣднаго, болѣе падаетъ на бѣдныхъ и малосемейныхъ, а тогда она падала бы на оборотъ,—на зажиточныхъ и многосемейныхъ,—а главное на всѣхъ поровну; въ чемъ естественно было бы болѣе справедливости. 2) Забота о народномъ продовольствіи лежитъ на обязанности земства. Устройство этого народнаго продовольствія, по нашему мнѣнію, можно бы связать съ дѣломъ улучшенія быта духовенства, не безъ пользы для того и другаго дѣла,—и вотъ какимъ образомъ. Церковные причты всѣ владѣютъ церковною землею въ количествѣ 33 десятинъ. Земледѣліе—какъ ни почтенно само по себѣ, однакожъ, по нашему убѣжденію, не можетъ быть соединено съ обязанностями причта, особенно священника. Обязанности послѣдняго такъ обширны и важны, что у него едва можетъ доставать времени для надлежащаго исполненія ихъ однихъ: онъ то отвлекается для совершенія требъ, то обязанъ заняться составленіемъ проповѣди и поученія, которыя должны составлять необходимую *существенную* часть богослуженія при каждой воскресной и праздничной литургіи. Священникъ до усталости наработавшійся въ полѣ за сохою, или въ лугу за косою,—найдетъ ли въ себѣ еще силы для занятія какою бы то ни было головною работою? Придетъ ли она даже на умъ ему?! Поэтому у священника необходимо одно изъ двухъ: или у него хозяйство въ хорошемъ видѣ и порядкѣ, а исполненіе обязанностей идетъ только формальное, или—онъ исполняетъ добросовѣстно послѣднія, но, въ такомъ случаѣ, терпитъ упущенія по хозяйству. Послѣ изложенныхъ нами разсужденій, мы приходимъ къ такому убѣжденію, что сельскому церковному причту необходимо имѣть въ своемъ непосредственномъ пользованіи только усадебную землю—отъ 2-хъ до 3-хъ, и луговую—отъ 5 до 10 десятинъ. Первая доставляла бы ему самое необходимое продовольствіе огородными овощами, а отчасти могла бы служить къ развитію садоводства, отрасли хозяйства совмѣстимой съ обязанностями причта и единственно ему приличной; вторая давала бы возможность каждому семейству содержать, по крайней мѣрѣ, одну лошадь и двухъ коровъ,—домашнихъ животныхъ въ сельскомъ быту совершенно необходимыхъ. А затѣмъ относительно остальной земли, въ количествѣ отъ 20 до 28 или 30 десятинъ, земство хорошо бы сдѣлало, если бы благоволило предложить каждому приходскому обществу, чрезъ кого слѣдуетъ, принять ее въ видѣ аренды на себя и обратить въ общественную запашку для засыпки урожаемъ съ нея магазиновъ, служащей къ обезпеченію народнаго продовольствія, на случай неурожая,—съ вознагражденіемъ за оную по оцѣнкѣ получаемыхъ съ нея продуктовъ, или всего дохода. Такое распоряженіе, по отношенію къ священнику, вполнѣ было бы

основано и на законѣ, такъ какъ, по смыслу онаго, обработка его церковной земли должна быть произведена прихожанами, хотя на дѣлѣ этого и не исполняется (№ 33 и 34 прилож. къ ст. 353 IX т. св. зак.). Притомъ оно ни малѣйшимъ образомъ не должно увеличить ихъ тяжести налога, потому что сумма, вносимая ими, должна быть вознаграждаема сборомъ урожая, а при хорошемъ удобреніи, для нихъ всегда очень возможно, навѣрное всегда съ избыткомъ. Обработка же земли, которая у насъ, священноцерковнослужителей, поглощаетъ почти весь доходъ съ нея, для нихъ, какъ говорится, почти ничего не стоитъ. Семья прихода, состоящаго отъ 500 до 1400 душъ на штатъ, обрабатывала бы для себя какія нибудь 18 или 20 десятинъ, ежегодно поступающія подъ запашку, такъ сказать, между дѣломъ, не производя ни остановки, ни уменьшенія въ своемъ хозяйствѣ и не ощущая обремененія. Следовательно увеличеніе матеріальныхъ средствъ причта каждой церкви на сумму, по крайней мѣрѣ отъ 300 до 500 руб. (это цифры, которыми по нашему мнѣнію, справедливо можетъ быть оцѣненъ весь доходъ съ церковной земли), достигалось бы собственно только путемъ одной распорядительности. 3) Завѣдываніе приходскими школами правительствомъ передало земству. Мы ничего не желали бы отъ него, какъ только одного, чтобы оно благоволило дать средства для существованія этимъ школамъ, по крайней мѣрѣ, такія, какія даны были для школъ государственныхъ крестьянъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы всякій, кто бы ни посвятилъ съ пользою свои труды дѣлу народнаго образованія, могъ за нихъ получать нѣкоторое вознагражденіе. Если дана будетъ такая возможность не безмездно трудиться въ школахъ надъ обученіемъ дѣтей; то мы убѣждены, что священники не полѣнятся посвятить свои труды и способности на это благородное и святое дѣло и честнымъ трудомъ приобрѣтать себѣ обезпеченіе, — и безукоризненно улучшить свой бытъ. 4) При указанныхъ нами мѣрахъ къ улучшенію положенія церковнаго причта, земство могло бы сдѣлать еще одно важное для него облегченіе доставкою подводъ, при исполненіи обязанностей, благочиннымъ и духовнымъ депутатамъ, — каковая повинность лежитъ въ настоящее время на причтѣ. Депутаты и, преимущественно, благочинные, какъ чиновники духовнаго вѣдомства, служатъ не причту, а церкви и обществу, контролируя только причтъ, состоящій на службѣ у церкви и общества, и — благосостояніе церковей, въ которыхъ часть даже капиталовъ сохраняется, для вспомошествованія же обществу въ поддержкѣ церкви, лежащей на обязанности прихода. Если чиновникамъ того или другаго вѣдомства, волостнымъ старшинамъ и писарямъ даются общественныя подводы; то, мнѣ кажется, нелогично и не-

справедливо отказывать въ оныхъ и чиновнымъ лицамъ духовнаго званія и возлагать оныя или на самыя эти лица, которыя въ настоящее время одни служатъ безъ жалованья, или—на причтъ, къ большому стѣсненію его положенія, и безъ того очень труднаго. Стѣсненіе въ подводахъ, которое терпятъ означенные духовные чины, значительно задерживаетъ надлежащій, скорый ходъ и по гражданскимъ дѣламъ. Депутаты и благочинные нерѣдко обязаны бывають присутствовать при произведеніи слѣдствій судебными слѣдователями, при размежеваніяхъ и отводахъ земель, смежныхъ съ церковными. Не имѣя же возможности прибыть къ мѣсту назначенія, по тому или другому приглашенію, они часто прибытіемъ своимъ понеобходимости запаздываютъ, и такимъ образомъ, въ ходѣ дѣла неминуемо дѣлають остановку. А посему земство, предложивъ подводы благочиннымъ и духовнымъ депутатамъ при исполненіи ихъ обязанностей, оказало бы важную услугу и самому дѣлу, и этимъ чинамъ, и всему православному причту. А между тѣмъ, чего стоитъ для земства эта важная духовенству услуга?!

„Вотъ тѣ мѣры—прямая и непрямая, которыя, при участіи земства, могли бы быть приложены къ улучшенію и облагороженію нашего православнаго духовенства. При этомъ, конечно, остается для него желать еще, посправедливости, очень многого. Съ уничтоженіемъ наслѣдственности священноцерковнослужительскихъ мѣстъ нельзя не пожелать устройства при церквахъ общественныхъ домовъ, для помѣщенія священноцерковнослужителей; нельзя не пожелать прекращенія новаго рода пролетаріатства, въ духовенствѣ еще не бывалаго, но теперь явившагося въ видѣ вдовъ священноцерковнослужителей и ихъ сиротствующихъ семействъ. Много, и много есть вопіющихъ нуждъ въ жизни нашего духовенства, но говорить объ нихъ мы находимъ пока неумѣстнымъ, такъ какъ для удовлетворенія ихъ земство еще не имѣетъ средствъ.“

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ *Александръ*.

Дозволено цензурою. Пермь. 23 марта 1868 г.

Печатано въ типографіи Поповой.